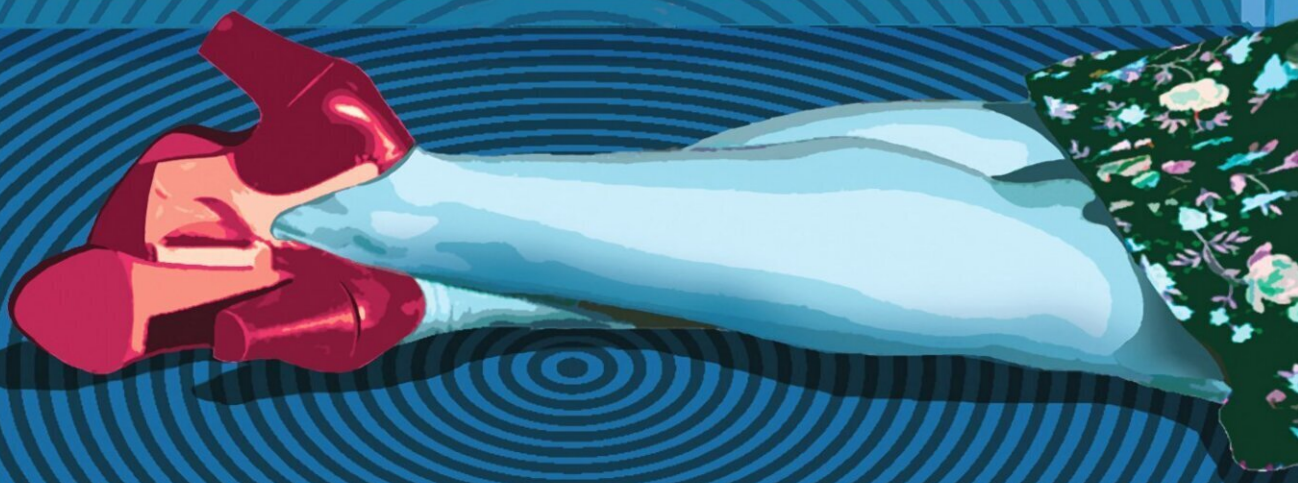

МАРИЯ САНТИ

ЖИВОПИСНЫЙ ТРУП

ДЛЯ ПОДЛИННОЙ КАРТИНЫ ПРЕСТУПЛЕНИЯ НУЖНЫ ЯРКИЕ КРАСКИ

Детектив с трогательным финалом

Мария Санти

Живописный труп

«ЭКСМО»

2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Санги М.

Живописный труп / М. Санги — «Эксмо», 2024 — (Детектив с трогательным финалом)

ISBN 978-5-04-197963-8

Это была бы настоящая сельская идиллия в ближнем Подмосковье. Если бы не странная череда смертей... Упав с мраморной лестницы в парке, погибает пожилая женщина. Казалось бы, всего лишь рядовой сюжет для криминальных новостей... Никто и не догадывается, что эта смерть нарушит шаткое равновесие отношений в семье отставного генерала Афанасия Аркадьевича Абрамова. Его домашние только и ждут, когда можно будет поделить миллионное наследство пожилого инвалида... Одна только Жанна, племянница генерала, не претендует на легкое обогащение за чужой счет. В поисках работы девушка встречается с известным адвокатом Платоном Смородиной и знакомит его с дядей. С первого же взгляда Смородина понимает, что в доме Абрамовых назревает беда. А якобы случайное происшествие в парке – это ключ к разгадке страшной тайны генеральской семьи...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-197963-8

© Санги М., 2024
© Эксмо, 2024

Содержание

Жанна	6
Турист в собственном городе	10
Рывок	12
Гомер	14
Порфирий	18
Смородина – жених	19
Художник Мылов	21
Справка	22
Полковнику никто не пишет	24
Книжный клуб	25
Природа мошенничества	28
Шашлык	31
Эльвира	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Мария Санти

Живописный труп

© Санти М., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

Но он, Эркюль Пуаро, не даст ему совершиться. Предотвратит, если своевременно успеет... Ведь это он, мститель за обиды невинных. Он часто повторяет фразу, которая кое-кого смешит: «Я не одобряю убийства».

Агата Кристи. Третья девушка

Жанна

Платон Степанович не услышал, как она вошла. У нее была грация кошки, которую только вчера принесли из приюта, и вот она, отдрожав сутки под диваном, осторожно идет к блюдечку с молоком.

– Смородина?

– Да.

– Пэ Эс? Как постскрипtum?

– Платон Степанович. Очень приятно. А вы?

Смородина сообразил, что это он сам отключил и электрозамок, и домофон. А ассистентка Юлия Греч придет только через час. Господи, дома жена ключи не дает ему в руки, потому что однажды дала, так потом их полдня искали и нашли в сахарнице. Что именно ключи могли там делать, до сих пор никто не понимает. Сотрудников тоже еще нет, он специально пришел пораньше, чтобы перечитать на свежую голову кое-какие документы. Тут-то она и проскользнула.

В ее облике было что-то болезненное и опасное одновременно, чем ему хотелось бы залюбоваться, если бы не драгоценные минуты, еще не притупленного рутиной дел внимания, которые он хотел потратить на работу.

– Я Жанна.

Она посмотрела на него в упор. Ее лицо было завораживающе некрасивым. Крупные губы, большая квадратная челюсть и дрожащий взгляд раненой львицы. А еще у нее был редкий фиалковый цвет глаз, адвокат подумал, что она носит линзы. Густые, как парик, черные волосы, постриженные в длинное асимметричное каре, вызывали ощущение, что она из другой эпохи. Если Платон Степанович видел такую женщину на экране, он понимал, что это героиня с историей.

– Очень приятно, Жанна. Чем я могу вам помочь?

Известный в узких кругах московский адвокат начинал раздражаться. Вполне могло оказаться, что девушка нездорова душевно или просто любит поиграть в драму. А он даже перенес утренний круассан, чтобы выгадать час работы на свежую голову, который она так безответственно пожирает. Сейчас хрустел бы круассаном, добираясь до мягкого, как блин, теста. Накладывал бы на еще теплый круассан масло... Иногда он злился за свое воспитание, которое при всем желании не мог изменить.

– Вы какой-то не такой. Похожи на филина. Мне не надо было приходить, – сказала она и резко вышла.

Актриса. Или участница какого-нибудь тренинга по раскрепощению, выполняющая задание «соверши неожиданный поступок». Такие не думают, когда воруют чужое время. Впрочем, она молода, а в таком возрасте человек всегда прав.

Платон Степанович прошел к рабочему месту секретаря, включил электрозамок с домофоном, вернулся на свое место и углубился в изучение документов.

Менее чем через час, в 10:01 заиграл его мобильный. Звонила Раиса Федоровна Ягужинская, директор камерного московского музея, набитого пылью веков и картинами XIX века.

– Платон Степанович, я вдогонку к моему письму...

– Какому письму?

– Ну, я вчера вечером поговорила с Жанной, потом еще девочки заходили, от одной из них муж ушел и теперь прописал в ее квартиру свою новую жену с ее детьми. Та пришла с милицией, сменила замки...

Смородина подумал, что, наверное, за свою полувековую жизнь эта женщина с локонами во вкусе XIX века ни разу не удержалась от того, чтобы не посплетничать. Какой-то вид душевного расстройства! Бороться с этим было бессмысленно, можно было только пресекать.

– Письмо? Какое письмо?

– Пока мы все это обсудили, уже было поздно вам звонить. Вы же знаете, что это неприлично, писать в вотцап в нерабочее время. Этикет эволюционирует на наших глазах. Казалось бы, сообщение, текст. А ведь звоночек может обеспокоить.

– И вы отправили голубиной почтой?

– Почему голубиной? Электронной. – Электронную почту проверяла помощница Юлия Греч, которая, разумеется, только пришла. – Я встретила чудесную девушку Жанну. И вспомнила, что вы искали переводчика, который перевел бы для вас нечто непереводимое.

– Да, статью по философии права.

– Я помню, что вы были недовольны специалистом, который оказался для нее дремуч. А Жанночка училась в Англии. И она такая же как вы – все время задумывается. У нее и лоб такой большой, вы увидите. Она мечтает стать правозащитницей, так я и посоветовала ей попроситься к вам на стажировку.

– Она не вежлива.

– Ну что вы? Мы точно говорим об одной и той же Жанне? То есть она у вас уже была?

– Позвоните ей, пожалуйста, прямо сейчас и скажите, чтобы она вернулась. Я дам ей статью, объясню, что к чему, и посмотрим, справится ли она. Это будет тестовое задание, и оно будет оплачено.

Посмотрев по диагонали текст, Жанна трезво оценила фронт работ. Адвоката подкупило то, как тонко она чувствовала нюансы, оттенки смысла. Девушка рассказала, что как раз выбирает, на кого идти учиться. Еще она массировала виски так, как будто у нее болела голова.

– У вас бывает такое, что вам кажется, что вы убили человека?

О, королева драмы. Нет, подруга, с этими богачествами тебе в театральную студию, а не к известному московскому адвокату. Ничего не скажешь, подложила кислую ягоду госпожа Ягужинская. Сбагрила со своих здоровых плеч.

– Нет.

Жанна задумчиво произнесла:

– А ведь можно убить и забыть. Если психика... У нас в городе женщина погибла. В парке. А до этого она что-то хотела мне сказать, хотя я ее не знаю.

– Так или иначе, вам нужна работа, а у меня она есть. Работа поможет вам собраться, сконцентрироваться, – произнося это, Смородина одновременно прикидывал, какого психиатра он может пригласить посмотреть на будущую адвокатессу.

– Вы и правда похожи на филина, – хихикнула Жанна, соскользнула со стула и, зажав в руках сумку, быстро вышла из его кабинета.

Хотя похожий на филина Смородина больше удивился бы тому, если бы девушка назвала его Аполлоном Бельведерским, что-то озадачило его в искренности ее слов. Что это? Расстройство, которое не позволяет человеку вести себя вежливо? Непонимание субординации? Плохое настроение? Сложная игра? Но если да, то зачем?

Он позвонил Ягужинской.

– Раиса Федоровна, почему вы заинтересовались этой девушкой? И почему отправили ее именно ко мне? Она же очевидно, кхм, не подходит для работы с юридическими документами. Перевод – да, пожалуй. Но в письме вы пишете про стажировку или даже временную работу. Такого сотрудника брать если только для того, чтобы внедрить в конкурирующую фирму.

И он рассказал про их короткий диалог.

– Очень странно. Интеллигентная девочка. И не простая. Мы писали в газетах, что у музея протекает крыша, так они с матерью откликнулись и помогли. Клубом нашим заинтересовались. Я рассказала ей, как вы спасли одну женщину! Как сняли с нее обвинение в убийстве! Совершили чудо! У Жанны аж лицо посветлело, я думаю, она заочно влюбилась в вас. Другое дело, что в восемнадцать...

– Восемнадцать? Я не дал бы ей меньше двадцати восьми. Она говорит, как уставшая от жизни женщина.

– Платон Степанович, сразу видно, что вы не общаетесь с молодежью. Молодые все сейчас выглядят старше своих лет. Да и точно ли мы говорим про одного и того же человека? У моей Жанны тонкие запястья, густое черное каре с челкой и трагедия во взгляде. Внешность во вкусе декаданса.

Смородина отметил, что Ягужинская, верховное божество всех московских сплетниц, человек внимательный и добрый. От другой директрисы он услышал бы, что Жанна редкостный урод.

– В точности так. Поэтическая внешность.

– Она в Москве почти никого не знает, не знает, как ее ищут, эту работу. Правда...

Тут Ягужинская замялась.

– Что?

– Только перед вами мне позвонила ее мама. Ой, у нее такая история жизни – в кино такое снимешь, не поверят. Там тайны и преступления. В семнадцать лет...

Раиса вздохнула. Вечно у этих законовеев не хватает времени для самого главного. Она ценила связь со Смородиной, но ее расстраивало, что он никогда не рассказывал ей секретов своих доверителей. А ведь наверняка он знал много интересного.

– Один из ее вопросов так и засел у меня в голове: «А вы не заметили у моей дочери каких-то отклонений в психическом развитии?» Я предложила показать ее врачу, но у Эльвиры началась истерика. Я подумала, что я в этом не специалист. А вы самый здравомыслящий человек на свете.

Вечером после работы Смородину ждал сюрприз – его преследовали навязчивые мысли о чем-то связанном с его утренней гостьей. Раздражала неестественность ее поведения, одновременно было жаль, что он не дал ей высказаться. Он задумчиво ходил взад-вперед по гостиной, держа чашку чая, грыз шоколадные конфеты из набора, который принесла очередная благодарная клиентка, и разговаривал сам с собой. Корги Виктория Олеговна лежала у стены и неотступно следила за его перемещениями, ожидая, что ее позовут, чтобы почесать, или хотя бы дадут хрустик. Перед глазами адвоката стояли глаза раненой львицы.

– Что же это, черт возьми, такое. Я не могу удочерять каждую девушку, которой трудно найти себя в жизни.

У него было это противное чувство, как будто он что-то забыл. Подсознание требовало обратить на что-то внимание, но он не понимал, на что именно. Его любимая жена Алена, она же муза, спарринг-партнер по жизни и лучший друг, была в командировке. Перед тем как лечь спать, он позвонил ей.

– Я сегодня почувствовал себя старым.

– Из-за девушки с черным каре? Помнишь, когда мы познакомились, ты расстраивался, что в аспирантуре тебя считают слишком молодым?

Платон Степанович улыбнулся. Это Алена вырастила в нем рядом с его философской частью еще одну – внутреннего бизнесмена. До встречи с ней он расстраивался от каждой неудачи. Анализировал, рассматривал контекст. А она сказала: «Тысяча отказов, одна продажа – это очень хороший результат». И через несколько лет он переключался на эту мысль автоматически. Когда один из клиентов предложил ему войти в его сверхприбыльное предприятие,

Алена, изучив предложение, сказала, что предпочитает быть бедной женой, нежели богатой вдовой. И, как обычно, оказалась права, поскольку, войди он в то предприятие, неизвестно еще, смог бы остаться в живых или нет.

На следующий день Жанна на службу не вышла и на звонок не ответила. Поэтому так неохотно трудоустраивают новичков – человека сначала приходится учить работать. В любой другой ситуации Смородина махнул бы на Жанну рукой. Но ему было скучно. Хотелось своими соображениями поделиться с Аленой, а ее не было. Где-то на окраинах разума жужжали остатки вчерашнего беспокойства о девушке. Так или иначе, он позвонил Ягужинской, чтобы узнать, где живет ее протеже. Оказалось – в Подмоскowie.

– И кстати, Раиса Федоровна, вы говорили, что у вас работает книжный клуб и есть система для новеньких. Я хотел бы ею воспользоваться и посетить ближайшее заседание. Если я правильно помню, вы читаете роман Агаты Кристи «Третья девушка»?

Раиса Федоровна замялась.

– Я боюсь, вам не понравится.

– Ну что вы! Я в детстве запоем читал Агату Кристи, у родителей были такие черные томики с желтыми надписями. Цветовая гамма настраивала на мысли об убийствах. Жду возможности поделиться впечатлением.

Он хотел еще добавить «столько лет копил!», но сдержался.

– Но интеллектуальный уровень участников ниже вашего. Один менеджер, другая косметолог.

– А я не боюсь менеджеров. Сам в некотором роде не чужд менеджмента, жизнь заставила. А косметология это очень интересно. Ученые советуют изучать новое. Это отличная профилактика Альцгеймера!

Когда ему было нужно, он умел забалтывать собеседника не хуже Ягужинской.

– Диана бывает резкой. Она вдова бандита.

– Многообразие лучше унификации.

Ягужинская метнула последний козырь.

– Это все такое женское! Вы же не любите, когда с вами делятся... женским.

– Если вы о сплетнях, то вы даже близко не сплетница, моя дорогая Раиса Федоровна. Знали бы вы российскую бизнес-среду! Все друг за другом следят, собирают информацию, уязвимые места у товарищей коллекционируют. Иной предприниматель может четыре часа без перерыва рассказывать чужие секреты! И такие, за каждый из которых объект сняли бы в шоу Антея Салахова, перед тем как отправить в тюрьму. Вот это я понимаю!

Он прямо почувствовал, как на другом конце беспроводной линии изменилось дыхание директрисы. Она чувствовала себя, как голодный гепард перед мясным магазином.

– Жизель, жена замминистра, иногда рассказывает про свои сексуальные подвиги...

– Когда и во сколько?

Турист в собственном городе

Платон Степанович с детства любил ездить на электричках. Погода стояла чудесная. Вот он и решил отправиться в Подмоскowie в рамках придуманной им программы «Турист в собственном городе». Он подышит воздухом, съест шашлык, понаблюдает за жизнью людей в частных домах, а заодно отыщет дом Жанны. Сунув Викторию Олеговну в переноску, он вызвал такси и отправился на вокзал.

Собака вела себя хорошо. Под стук колес она мирно дышала, высунув язык. А как только ее отпустили на травку, начала знакомиться с окружением и другими четвероногими. За пару часов Платон Степанович обсудил с другими собачниками здоровье шерстяных друзей, шумность в районе, наличие догхантеров и других опасностей. Потом он сходил в кафе и с удовольствием пообедал. Тем, кто интересовался, что он забыл в Подмоскowie, Смородина отвечал, что думает приобрести недвижимость в этом районе и приехал осмотреться.

Район с загородными домами располагался недалеко от вокзала. С виду это были чеховские дачи, утопающие в зелени и цветах. Казалось, что в такой обстановке не может произойти ничего плохого. Прямо перед Смородиной шел худенький молодой человек в пижаме с капюшоном. Он разговаривал по телефону.

– Мне нужен покой! Свежий воздух и простые люди. Я пью яйца и распеваюсь, так что кувыркайтесь там со всем этим без меня, – донесся до адвоката голос парня.

Когда Смородина обогнал юношу, они переглянулись. Молодой человек оказался значительно старше, чем выглядел со спины. У него были ангельские глаза с длинными пушистыми ресницами. Главным на его лице были огромные, скульптурные, похожие на цветок губы, которые, кажется, не смыкались полностью. У Смородины возникло ощущение, что он их где-то видел.

Херувим свернул к одному из домов. Платон Степанович обратил внимание, что на этом участке у самого забора стояла желтая свежесрубленная постройка, из которой доносилось кудахтанье. От этого дома с курятником исходило ощущение уюта и благополучия. Он присел на скамейку поблизости, чтобы отдохнуть.

Виктория Олеговна подняла бунт и отказалась продолжать путешествие. Она попыталась на своих коротких ногах впрыгнуть в переноску, лежавшую на скамейке.

– Виктория Олеговна, ну просто полежи на траве. Ты пойми, мы с тобой на охоте. Ты же охотница на лис? Обратись к своей генетической памяти.

Псина не унималась. Младший Смородина, Порфирий, после часовых прогулок нес ее домой на руках, а тут такой марафон. Она хотела домой и есть. Она всегда была согласна поесть. Увлечшись бесполезными объяснениями, Платон Степанович не заметил, как рядом с ним села бабуля с мелкой химической завивкой на голове.

– Какая уродливая собака. Зачем вы отрезали ей ноги?

Редкого обаяния женщина.

– Это порода такая, называется корги. Она здорова, просто устала.

Бабка посмотрела куда-то за его спину и зашипела:

– О, идет...

Как вовремя! Подобно мастеру кунг-фу Платон Степанович только глянул налево и сразу же низко наклонился к Виктории Олеговне лысиной вверх. Впрочем, Жанна не смотрела по сторонам. Платон Степанович поправил ошейник, погладил собаку и медленно распрямился. Бабка с химической завивкой нарочито крестилась.

– Эта проклятая. Из во-о-он того дома. Отца прибила.

– Да вы что? Расскажите!

– Он на электроскутере рассекал, жирный такой. Так она его подтолкнула, он и того. Ненормальная. Наркоманка. Люди слышали, как он на нее орал.

– И не посадили?

– Так она взятку дала, – сказала старушонка с такой интонацией, как если бы давала взятки госорганам дважды в день. – Они и записали, что он сам. Неповоротливый такой был. Шею свернул.

– Пил?

– Пил. И людьми питался. А ей теперь досталась половина дома. На второй-то половине дядька. Но она и его на лестницу вытряхнет.

Вытряхнет? Проследовавшую за этим речь про современных детей, в частности бабкиного сына, который «когда не пьет, добрый», Смородина слушал вполуха.

– Давно это было?

– Год назад, может, полтора. Нет, год! Тоже сиренью пахло, у меня в такую погоду меньше суставы ноют. А потом ее мать вернулась.

– То есть до этого матери не было?

– Да вы что! – В бабусе как будто жили несколько человек, каждый со своей интонацией. – Ее муж выгнал. За блуд.

Последнее она сказала безо всякого осуждения. В ее картине мира блудить, живя с таким мужчиной, было естественно и даже похвально. «Я бы с таким жить не стала», – договорила она, когда поднялась и, кряхтя, пошла дальше.

– Подождите! – Смородина ринулся за своей случайной собеседницей. Вся боль собачьего племени отразилась в глазах Виктории Олеговны, но потянувший поводок хозяин не дал ей времени на рефлексию. – А вы точно это знаете? Люди-то говорить могут разное.

– Я у них убирала три раза в неделю. А мать ихняя выжила меня. Противная баба! Жадная. А все блуд, – экспертно заключила бабка.

Сделав круглые глаза, Смородина взял у нее «на всякий случай» телефон, пообещав позвонить, если ему потребуется домработница.

Рывок

Как человек мечтательный, Смородина, задумавшись, пару раз едва не попадал под машину. Мозг отъедал всю мощь оперативной памяти, и тело в такие минуты вполне могло попасть в неприятности. Но бывало и так, что чувственная часть его существа брала управление на себя. Так однажды в студенческие годы он выбрался из болотистой местности, куда по ошибке забрел, не будучи от природы ни ловким, ни прытким. Все голоса внутри стихли, и он скок-поскок, не узнавая собственных движений, перебирался на чуть более устойчивые островки и спасся. Тем вечером, с учетом его плохого зрения и полного отсутствия мобильной связи, чутье спасло ему жизнь.

Он взял собаку на руки и позвонил в калитку дома, в который вошла Жанна. Это был капитальный дом с большими окнами. С левой стороны к нему была прилеплена тонкая белая колонна со сложной капителью, больше никакого декора не было. Жанна вышла из двери. Вид у нее был удивленный.

– Здравствуйте, Жанна. А я, вы знаете, присматриваю недвижимость в этом районе. И тут вы! Я даже не поверил своим глазам. Вот и решил спросить, почему вы не вышли на работу. Что случилось?

– Вам же мама должна была позвонить? – Она пожала плечами. – Я отравилась.

Девушка была бледной. На этот раз она выглядела совершенно иначе: испуганной и уставшей. Как если бы ее ударили по голове пыльным мешком, а потом окатили холодной водой, чтобы привести в сознание. Волосы висели по обе стороны от лица, как будто это был засаженный парик.

– Нет, мне никто не звонил. Впрочем, может быть, я пропустил звонок, было много работы.

Виктория Олеговна смотрела на Жанну с интересом и быстро дышала, высунув язык. Она была самым дружелюбным существом на свете.

– Как неловко. Может, вы зайдете?

– С удовольствием.

Внутри дома все было несколько старомодно – мебель, цвета обивки. Гостиная переходила в просторную столовую-кухню.

– Я упала в обморок. Было безответственно с моей стороны устраиваться на работу. – Жанна крикнула в сторону кухни: – Дядя, у нас гости!

В гостиной висели парные портреты родителей Жанны кисти знаменитого художника Мылова. Слева висел портрет сидевшего на стуле пышнотелого отца. Глаза его были выпучены так, как будто он неожиданно сел на чужой палец и теперь боялся пошевелиться. Сосисочные пальцы указывали на ключи от «Мерседеса», брелок был повернут логотипом к зрителю. На заднем фоне были изображены две книги, ваза и подножие колонны. Нога родителя была артистично отставлена вбок, лакированный ботинок сверкал. Смородина подумал, что блик на ботинке Мылов слямзил у какого-нибудь серебряного кубка с картины голландского мастера. Художник намекал, что модель присела попозировать с брелком, но тут же, влекомая возвышенной страстью к собирательству ваз, полетит дальше.

Точно такие же, как на портрете, огромные синие фарфоровые вазы стояли по обе стороны от дивана, стоящего под портретами. Их ампиный декор смотрелся посреди советской роскоши, как придворная дама эпохи рококо среди гопников. К картинам подъехал сидевший в инвалидном кресле щеголеватый мужчина около шестидесяти лет.

– Кто? Твои красивые подруги?

– Нет. Мой начальник. С собакой.

Виктория Олеговна, которой протерли лапы влажной салфеткой, уже стучала когтями по направлению к кухне.

– Начальник? Пусть проходит, мы побеседуем.

Жанна тихо сказала Смородине:

– Он иногда плохо видит и еще говорит громко. Я на самом деле начала переводить, вы не думайте. Непредвиденные обстоятельства.

Она представила Платона Степановича дяде и оставила их вдвоем.

Гомер

Генерал Афанасий Аркадьевич Абрамов смотрел на Платона Степановича так пристально, что даже нахмурился. Смородина обратил внимание на очки с дымчатыми темно-голубыми стеклами. У них была тонкая оправка, которая была бы, скорее, к лицу высокопоставленному чиновнику, нежели пожилому инвалиду. Генерал был одет в брюки и рубашку, одежду совсем не домашнюю, и хорошо пострижен. Инвалидное кресло у него было современное, с мотором и управлением кнопками.

– То есть вы адвокат. И что моя племянница должна была для вас делать?

– Переводить статьи с английского на русский. Пока мы договорились на тестовое задание.

– Вы служили?

– К сожалению, нет. Из-за зрения. С детства мечтал о военной карьере, но, увы. Я говорил об этом однажды с генералом Бочарниковым.

– Кхе! Это рыжий такой?

– Игорь Иванович лыс как колено, но по молодости, насколько я помню, он был шатен. Его сын Артем – брюнет, в маму.

Дядя Жанны одобрительно крикнул. Поэкзаменовав Смородину еще немного, он пришел к выводу, что перед ним «нормальный адвокат», и они разговорились.

– А как она училась в школе?

– Какая разница, если вы ее уже взяли? Плохо.

– Вы не пытались ее как-то направить? Заинтересовать?

– Мне было не до того. Я, пока не заболел, здесь не жил. Сначала ноги отнялись, потом почти оглох. Но я все вижу!

– Это важно. У меня минус одиннадцать, я берегу зрение.

– Правильно. Но вы за ее школьные отметки не беспокойтесь, при ее деньгах это не имеет значения. А вообще я не чадолюбив.

– Вы поддерживаете ее выбор профессии?

– Не знаю, что уж за профессию она себе выбрала. Жених у нее – нереализованное ничто. Не то что не служил – его не взяли бы. Даже мать ее, самое бессмысленное существо на свете, против него. Пятнадцать лет фестивалила где-то, а теперь против.

– Жанна ее слушает?

– Мать ее бросила. Хотя... конечно, не представляю, как она могла договориться с моим братом. С ним невозможно было договориться. Не знаю, как их вообще растят, этих девочек. Но, по всей видимости, прав был мой психоаналитик, чем сильнее родитель отвергает ребенка, тем сильнее ребенок обожествляет родителя.

Хорошо, что Смородина сидел. Он никогда ранее не видел боевого генерала, который обращался бы к психоаналитику. Денди в полутемных очках интересовал его все сильнее.

– Но сейчас она взрослая женщина.

– Как у вас у адвокатов все просто, даже завидно. Восемнадцать лет исполнилось – получи здоровый новый мозг взамен съеденного. Я вам скажу, как бывший бонвиван, а сейчас разбитый жизнью неудачник: травматик не понимает здорового человека, не может. Чахоточный больной, глядя через окно со своей кровати на бегуна, никак не разделит его мышечную радость после пробежки. Чувственный аппарат не позволит. Но и здоровый не понимает травматика. Ему не дано, поскольку не чувствует боли. Это очень хорошо, что не понимает, ничего в них нет хорошего, в этих травмах. Отнимают силы и время. Но когда вы говорите «взрослая женщина»... – Дядя покачал головой. – В вашем случае это просто непонимание.

Этот мужчина, выправка которого чувствовалась даже сейчас, когда он сидел в инвалидном кресле, говорил о терапии абсолютно серьезно, в то время как даже модные гуманитарии в два раза моложе его нередко относились к ней иронично, как к какому-то баловству.

Афанасий Аркадьевич выдерживал паузы и был не суетлив. Чувствовалось, что он командир по призванию.

– Брат мой был сложным человеком. А ребенок не может взять собрать вещи в паке-тик и уйти. Когда мне рассказывают, что дети бывают такими и сякими, я всегда говорю, что, конечно, да, но все равно у взрослых несоизмеримо больше возможностей распоряжаться своей жизнью. А когда больше возможностей, ответственность больше. Если Жанна смотрела бы на жизнь трезво, она повесилась бы. Она выдумала маму, которая ее любит и обязательно за ней придет. Живя в этом мире грез, она выжила. Только благодаря ему. Изо дня в день. Здесь, потом в Англии. Любит ее отчаянно. Конечно... И что, хороший вы адвокат?

Смородина скромно уточнил, где расположен его офис, и сразу вернул беседу в нужное ему русло.

– То есть мать ее не любит? А она этого не замечает?

– Объясняет себе ее действия иначе. Я глуховат и ходить не могу, но я не идиот. И вы тоже. Она ей интересна, как прошлогодний снег. Ей нужны только средства.

– За вашего брата она вышла замуж из-за денег?

– У него и деньги-то были, потому что он мой брат. Коммерсант из него, прямо скажем, был не очень. Шашлычная была, сейчас там арендаторы кафе открыли. Он здесь соседей кошмарил, а я ходил следом и все его дела улаживал. С тех пор с нами здесь и не общается никто. Перед овцой молодец, а перед молодцом сам овца.

– Вы ссорились?

– Что вы хотите услышать? Как я относился бы к такому человеку, если бы он не был моим братом? Я об этом не думаю вообще. Не ду-ма-ю.

– А с женой он как обращался?

– Он на ней не женился, в том и дело. Она была неприлично молодая, лет девятнадцать. По мозгам все только одиннадцать. Не сказать, чтобы красивая. Обычная. Ее парень заставлял продавать наркотики. Как заставлял? Просто сказал, будешь вот дурь толкать. Защитить ее было некому. И он же ее сдал потом, чтобы самому не сесть. Семь лет светило. Кто-то брату об этом рассказал. Он как увидел ее фотографию, только что в ногах у меня не валялся. Ныл, слезу давил. Люблю, говорит, не могу, пропадет девка, а ты же знаешь, что она не так виновата, как тот, из-за кого она садится. Чувствую, говорит, судьба моя. Ну, я вмешался. Она дала показания и на упыря, и на наркобарона, на которого тот работал. Ее освободили. Теперь ей путь в ее родной город был заказан, ее бы убили прямо на вокзале. И тут брат мой с домом в Подмосковье. Принц, е-мое! Толстоват правда. И придурок. Она каждый вечер приходила к нему с поклоном: швабру надо новую купить и машину заправить. Вот тебе, Эльвира, тыща рублей, машину заправить, а швабру пока старую можно использовать, она хорошая. И так каждый вечер. Волосы разрешал носить только распущенные, стричь запрещал – «я люблю длинные». Только в последний год уборщицу нанял, да и ту прогнал вместе с ней. Миллионер! А когда она начинала выть, он прямо ей говорил, что стряхнет пыль с ее уголовного дела. В тюрьму она не хотела.

Потом она с кем-то спуталась, и он действительно решил пыль стряхнуть. Но я не дал. Она тогда уехала и больше здесь не появлялась. Это, говорю, твоего ребенка мать, а мы люди, не звери. Жанна – это наша кровь, я ее в обиду не дам. Как сейчас помню. Он сидит в зале перед телевизором: «Чаю!» Маленькая Жанна бежит на кухню заваривать чай. Ты, говорил, Жанна, много ешь, смотри, если не будешь старость мою лелеять, тебя бог накажет. Я тогда узнал, с какого возраста можно в хорошей английской школе учиться, и отправил ее туда. А недавно умер мой брат. Теперь я живу здесь, а Жанна то со мной, то в моей квартире в центре города.

– Его смерть не вызвала у вас подозрений?

– Много ел,пил, лежал целыми днями в трусах перед телевизором. Нет. Почему вы спрашиваете?

– Просто уточнил.

Дядя повернулся к Смородине. Взгляд у него был странный, наверное, из-за тонированных стекол. В руках у него возникла тонкая блестящая фляжка. Он ловко отвинтил крышечку, отхлебнул, завинтил, и фляжка тут же исчезла.

– Вы вообще убийц видели?

– Приходилось.

– И что думаете?

– Никогда не скажешь по внешнему виду, на что способен человек.

Дядя одобрительно покачал головой. Этот адвокат ему нравился.

– Я к Жанне никаких чувств не испытываю. Есть и есть. Но она такая, знаете... Живет как без кожи, все принимает близко к сердцу. Они вдвоем были. Девчонка и туша под двести килограммов. Смешно даже думать. А я преступников видел много. На меня как-то наседали, чтобы я мемуары написал. Но я себе не враг. Так, если только про женщин приятно вспомнить.

И он улыбнулся.

– Вы говорите, что не чадолюбивы, но при этом вы очень внимательны к Жанне.

– Я на пенсии, есть время обо всем подумать. Когда со мной случилась беда, я два года пролежал в больнице с повязкой на глазах, но сейчас зрение восстановилось. Мне предложили консультанта, я от полной безысходности согласился. Я его лица так ни разу и не увидел. Он такие подробности из меня доставал. У нас национальная идея – насилие. Причинил другому боль – молодец. Я считал, что должен так себя вести. Хлопал женщин ниже талии, они верещали. Ходили за мной сами. Но мне интересней было получать тех, кто не ходил, конечно, – Афанасий Аркадьевич замялся, как будто хотел что-то сказать, но передумал. – А потом пережил эту пытку беспомощностью и понял, что они терпели меня не потому, что я красавец, а я был статный, плечистый. А за рабочее место, кусок хлеба. А еще они тоже думали, что так и надо. Скотская жизнь. Конечно, я пользовался своим положением, некому было меня остановить... Сколько стоит брачный договор составить?

Смородина назвал обычную стоимость своих услуг по этому вопросу, автоматически прощелкав в голове варианты – сиделка, медсестра, парикмахер. Потому что парикмахер к этому деду явно ходил. Для значительной части невест Афанасий Аркадьевич, уже спустивший две ноги в могилу, был привлекательнее Бреда Питта. Во-первых, тот Питт далеко, и до него еще ехать надо. А во-вторых, ему очень трудно будет объяснить, что тебе совсем не нужны деньги.

В этот момент на залитую летним солнцем кухню вошел взъерошенный атлет с лицом суслика. У него было тело греческого бога. Смородину удивило, что тот как будто не заметил нового человека в доме, даже не кивнул в знак приветствия. А еще обувь у суслика слегка постукивала о пол, как когти Виктории Олеговны. Молодой человек прошел мимо них, не повернувшись, налил себе компот из графина и так же молча ушел. Адвокат заметил, что ногти у него на руках были аккуратно подпилены и покрыты бесцветным лаком.

– Это мой ассистент, Оскар, – дядя откинулся на спинку кресла. – По должностной инструкции он не заговаривает со мной вообще. Я этого не люблю... А если я добавил бы к этому функции консультанта?

– Какого рода?

Теперь Смородина присмотрелся к неспешным жестам дяди. Он мысленно надел на него темный итальянский пиджак, сменил рубашку на белоснежную и, конечно, поменял очки на черные. Дядя вполне мог быть крестным отцом преступной группировки. И кстати, эта мысль

не показалась Смородине забавной. Навыки анализа, которые демонстрировал инвалид, могли быть использованы не только во благо.

– Я подумаю. Оставьте номер вашего телефона. Или он есть у Жанны?.. Жанна! Я буду обедать у себя... Не слышит, она на втором этаже.

На кухню вернулся цокающий подошвами ассистент с играющей приятную мелодию телефоном. Дядю как подменили. Он ловко крутанул коляской, развернувшись в сторону гостиной, поехал, выставив ладонь левой руки по направлению к Оскару. Тот положил в его руку телефон. Дядя поехал дальше, на ходу начиная разговор:

– Антоша, здоровья желаю!

Когда Смородина выходил в гостиную, краем уха он услышал, как из библиотеки доносился довольный и помолодевший голос дяди.

– А он? А она что? Хе! Хе-хе-хе...

Адвокат попросил Оскара позвать Жанну, чтобы попрощаться. Но оказалось, что она легла на свою кровать и заснула прямо в одежде.

– И часто такое бывает?

– В свободное от истерик время.

Покидая дом с колонной, Смородина задержался, чтобы рассмотреть сложносочиненную капитель колонны. Три египетских лица, которым скульптор попытался придать чуждый им пафос, были опутаны каменными «сорняками». Было ощущение, что сей архитектурный элемент здесь просто забыли. Смородина даже подошел поближе, рассчитывая увидеть за углом продолжение ансамбля, но колонна была одна.

Порфирий

Вернувшись домой, Платон Степанович задумчиво ходил по просторной квартире. Все в ней было на месте. И мебель, и фарфор, и заваленный книгами стол сына в его комнате. меховой бочонок Виктория Олеговна путешествовала из края в край, утепляя жилище рыжим мехом. Все было так да не так. Не хватало Алены.

Сын Порфирий готовил «отчет для мамы» – отмечал в своем блокнотике, сделано ли ими все намеченное на день. Если говорить совсем честно, он следил, чтобы папа снова не постирал загранпаспорт. Платон Степанович смотрел на сына и пытался представить себе, что вот он начнет объяснять Порфирию, что тот много ест и поэтому должен «лелеять его старость».

Прежде всего, он не мог увидеть смысл в том, чтобы высчитывать, на сколько наел твой ребенок. Это же семейные деньги. Если бы у них на троих была одна краюха, они делили бы ее. И пошли бы на заработки все, включая Викторию Олеговну. Вероятно, если бы они с Аленой нуждались, то, скорее всего, отложили бы чадородие. Ребенок – это расходы. Но как можно родить человека, а потом жалеть, что он ест? И не один раз поставить это наследнику в вину, а делать это на регулярной основе? Непостижимо. Платон Степанович хотел, чтобы Порфирий был здоров и доволен, чтобы его любили. Упаси Бог висеть на нем. В девяносто лет он планировал ковылять с Аленой потихонечку по улицам. А лучше беседовать в ресторанчике у моря. Главное – самостоятельно.

Если ему пришлось бы выбирать между любимой работой и семьей, он без раздумий выбрал бы семью. За пределами их городской квартиры был мир – скучный и жестокий. А в семье были поддержка и тепло, он всегда это знал и дышал этим. Дома у него был дом.

Смородина – жених

На работе адвоката ждал неожиданный гость – худосочный олигарх Березин. Он ждал Платона Степановича у входа в его офис, который как многолетний доверитель называл «Смородина и другие полезные для здоровья ягоды». Он был суров и, кажется, даже сжимал кулаки. Это ничуть не удивило Смородину, Березин регулярно дрался с обывателями, которые не так на него посмотрели. Невоздержанное поведение Березина было одной из основ благосостояния адвокатской конторы. Каково же было изумление Платона Степановича, когда уже в его кабинете выяснилось, что вся эта агрессия направлена на него лично.

– Вы что же это, хотите жениться на Жанне Абрамовой?

Казалось бы, адвокат привык к манерам олигарха, но в данном случае он даже не сразу нашелся, что ответить.

– Я вообще-то женат.

Если бы Березин сказал ему, что хочет подать в суд на Бога за то, что тот уделал черепаху, Платон Степанович был бы более готов к такому вопросу. Березин это легкое изумление считал привычным для себя образом собеседника – как трепет перед его силой. Он любил, когда людям, с которыми он общается, плохо.

– О чем вы терли с ее дядей?

Смородина поправил очки.

– Я не обсуждаю дела своих доверителей, и вы, Василий, – здесь Смородина сделал паузу, – прекрасно это знаете.

– Значит, для своего сына ее присматриваете. У вас же есть дети?

– Моему сыну тринадцать лет.

– То есть вы мне не конкурент? – В этих словах олигарха звучала детская радость. Адвокат понял, почему в последнюю встречу драчун спрашивал, можно ли составить брачный договор, по которому все имущество жены, которое было у нее на момент вступления в брак, переходит мужу. – Я уже почти договорился с ее матерью. Она, кстати, нормальная баба.

На языке Березина это значило – «делает то, что мне надо». Березин откинулся на спинку стула. Победив воображаемого соперника в бесконтактном бою, он решил, что заслужил отдых. Смородина подумал, что Эльвира подошла бы Березину куда больше, но он умел держать свои субъективные эстетические суждения при себе.

– Дед мешает. Ему не понравилось, что мне пятьдесят. Я ему «в XIX веке это было нормально»! А он «на конюшне у себя крестьян пори, аристократ хренов, раньше еще в армии все служили, а ты вот – нет». Ну я не мог, вы понимаете, ему нормально ответить, он все-таки инвалид, – в голосе Березина чувствовалось легкое сожаление. – Но ей уже восемнадцать, так что дело за малым.

Смородина подождал, но продолжения разговора не последовало. Тогда он собрался и, прокашлявшись, чтобы не выдать легкое изумление, спросил:

– А сама Жанна?

Березин посмотрел на него, как на дурачка.

– Какая девушка не будет рада выйти за меня замуж?

Отвечать на такие вопросы не следовало. Березин был как ураган. Налетал, махал шапкой. Не пала к ногам? Следующая. В его психике было еще больше хаоса, чем обычно, потому что вокруг него постоянно было слишком много отвлекающих раздражителей. Смородина предполагал, что уже завтра Березин забудет про девушку. Но вот что было подозрительно. Березин не мог сам прийти к мысли, что Смородина может быть его конкурентом, ведь у него было меньше денег. Эту мысль могли подкинуть только со стороны.

– Там, кажется, есть жених... Художник...

- Пф-ф! Я его на одну ладонь положу, а другой прихлопну.
- А вы, кстати, не думали обратить внимание на ровесницу?
- Я на всех обращаю внимание, вы же знаете. Ни в чем себя не ограничиваю.

При разговоре о коллекции знаменитых женщин Березина нужно было почтительно замолчать, понимающе кивнув. Говорить о том, что большинство из них плюются, только услышав его фамилию, не стоило.

- Если вы так хорошо нашли общий язык с Эльвирой...

– Так у нее ж нет ничего. Земля у Жанны и у хрыча. Хрыч врежет дуба, я надеюсь, скоро. Ну, а если он не скапустится, можно и купить его долю. Но по приятной цене, как у родственника. Так-то вы правы, у вас глаз, я смотрю, наметан, Эльвира – овца первостатейная. Мы с ней хорошо на кухне посидели. Там еще такая противная баба была! Подруга. Лицо все обтянуто кожей, улыбка гуимплена и голосок противный: тю-тю-тю.

Было ясно, что противная подруга не присела перед величием донжуана, а, скорее, даже наоборот. Если бы она была мужчиной, Березин незамедлительно предложил бы ей подрататься.

- А как ее зовут?
- Нюра? Нюша? Урод на «Мини Купере». Сидит, злыми глазами зырк-зырк, смотрит, что украсть. Еще она на задницу ассистента засматривалась.

- Оскара?

- Мне не интересно, как его зовут. Дрищ.

Березин поежился. С Оскаром он бы драться не стал.

- А почему вы думаете, что Нюра хочет что-то украсть?

Березин посмотрел на Смородину с легкой дозой жалости к этому большому человеку с такими наивными представлениями о мире. «Только моим попечением жив малый сей» – так можно было истолковать этот взгляд.

– Она косметичка. Давит прыщи. А я вам уже сказал, что у нее «Мини Купер»? Это ж какие прыщи и сколько времени надо давить, чтобы на него наывадавливать? Есть, конечно, вариант «мужчина», но я такого извращенца, который заберется на эти кости, себе не представляю. Сейчас же всюду технологии. Внедряют в семьи персонал, парикмахеров, которые собирают информацию, входят в доверие, а потом лишают имущества тем или иным способом. Сесть на уши Эльвире легче легкого, пару раз сказал, что ее пожеванная красота аристократична, и она твоя.

- А расскажите про землю, которой владеет Жанна?

Березин ответил уклончиво.

- Земля как земля. Ничего особенного.

Художник Мылов

Платон Степанович трижды бывал в галерее Мылова, которая располагалась в самом центре столицы. Изначально он был заряжен негативным отношением к нему других художников. Ответ пресс-службы знаменитости был известен и предсказуем: вы все завидуете. Ну, допустим. Платон Степанович хотел составить собственное суждение. Сначала его поразила обстановка. Вроде бы здесь косплеили дворец, при этом похоже было на мавзолей. Для дворца было недостаточно размаха, а для изящества не хватало вкуса. Хотя вряд ли Мылов поставил бы оформителям адекватную габаритам небольшого особняка задачу создать камерное пространство. Даже если он занимал бы катакомбы, он все равно декорировал бы их позолотой и бархатом и, если колонна не протиснулась бы в лаз, распилил бы ее и пронес по камешку. Ему не хотелось быть художником, оставить след своего воображения, вкуса. Его совершенно не волновали такие мелочи, как размер и эпоха. И наверное, существовали люди, которым искренне нравились позолоченные рамы и слезовыжимательные бабульки. По крайней мере, смотрительницы благоговели перед своим богом.

В принципе, Мылов мог бы рассматриваться как современный художник, если честно назвать его работы ироническим переосмыслением имперского пафоса. Потому что портретируемые, если отвлечься от богатых рам, были изображены карикатурно. То есть он, конечно, старался соответствовать, работал без иронии, просто у него не получалось. Более того, в какой-то степени он был гораздо ироничней среднеизвестного современного художника Правдорубова, жениха Жанны, с работами которого Платон Степанович ознакомился заочно. Просто этого никто не видел, потому что люди, которые могли бы это сформулировать, на живопись Мылова вообще не смотрели.

Во второй визит Смородина понял, что прежде он смотрел не на картины, а на свое представление о них. Живопись оказалась довольно-таки скучной, интересно было разве что только считать анатомические ошибки. Когда он пришел третий раз, одна из смотрительниц его узнала. Он стал своим в этом храме пафоса.

Справка

В местном отделении милиции было тихо, видимо, преступники были в отпусках. Платон Степанович быстро нашел нужный ему кабинет.

– Добрый день, я Смородина.

– Проходите, я вас жду. Ладушкин звонил, сказал, вам нужна справка.

– Неофициально, да. Около года назад упал с электроскутера человек.

– Только не говорите, что он воскрес!

В словах следователя не было ни тени иронии.

– Простите?

– В местной церкви сорок дней был повышенный спрос на свечи. Да, несчастный случай был с электросамокатом. Хотя, кому несчастный, а кому...

– Мы говорим про господина Абрамова?

– Да. Год прошел, а мы до сих пор говорим про него в этих стенах.

– Он часто приходил?

– Он? Нет. А вот по поводу него приходили регулярно. Удивлюсь, если хоть один человек, включая членов его чумной семьи, пролил хоть одну слезинку по поводу его смерти. Вы от товарища старшего следователя, поэтому говорю как есть. Это был не человек, а раковая опухоль. Он для того и купил этот самокат, чтобы на цветы заезжать. Посадил человек гладиолусы у дороги – мчит Абрамов на электроскутере. А что? Здесь уже не частная собственность. Если дочери его дома не было, включал музыку с низкими басами на полную мощность. Ну и что, что у соседей болит голова? Он лежит пьяный перед телевизором, у него дискотека. Как-то у соседей были гости, много гостей. И кто-то из них поставил машину так, что она отчасти оказалась и перед его домом. На время поставил, даже не перегородил выезд. Абрамов проколол шины ножом. Даже не предупредил, не попробовал договориться. Ребенок на улице ему что-то крикнул. Шалопай лет шести. Так он его по голове ударил. А там туша за сто килограммов. Отец мальчика прибежал к нему, помял. Так его, отца, потом едва не посадили. Пару лет ходил притихший. Абрамов на суд принес ворох справок, что он чуть ли не инвалид, живой труп, кандидат наук, а его, такого нежного, по бокам руками. И это еще до суда дело дошло. Обычно заявления забирали. У него старший брат такой, что мне из министерства звонили.

– Кандидат наук?

Следователь махнул рукой.

– Он был очень жадный. С него любой сантехник полную предоплату брал, иначе не работали. Но понты любил. Поэтому не удивлюсь, если в каком-то институте он и числился и работу за него написали. Но сам он любил выпивать с утра. С телевизором спорить. Если бы он прочел в жизни хоть одну книгу, если бы у него была вообще эта привычка – молча внимать другому, это был бы другой человек.

– У вас были подозрения на насильственную смерть?

Следователь как отрезал:

– Следов борьбы на теле не было.

– Про следы понятно. А подозрения были?

– Тут недавно был в чистом виде несчастный случай. В заброшенном советском парке упала с каменной лестницы бабушка. Так ее дочь дежурила у нас в коридоре. И нечего ее матери было в парке делать, и никогда раньше она с работы не отпрашивалась, и в парке не гуляла, а тут отпросилась. Всегда на бабушке шарфик был с люрексом, а на трупе не было. Я ее понимаю, но ничем помочь не могу. У нас в той части парка даже с собаками не гуляют. Двенадцать лет назад там маньяк девушку убил, с тех пор все и боятся. Только вот застройщики недавно

возбуждились, ЖК «Дом с маньяком» возвести хотят... А за Абрамова никто не беспокоился. Если только вогнала какая сердобольная душа в могилу осиновый кол.

– Жаник, ну как же ты не помнишь, что у нас были планы на сегодня. Опять?

– Я правда забыла.

– Но это уже ненормально, это проблема.

– Я проснулась на полу. А что, если я хожу во сне? Мне страшно. Все время хочется запереться в комнате. Или сбежать отсюда.

– Может, пойти к врачу?

– Нет! Дед уже хотел меня упечь в психушку. Мне иногда кажется, что он только и ждет моей смерти. Потом у меня слабый желудок, ты знаешь. А врач начнет травить меня фармой. Нет, нужно просто взять себя в руки.

Полковнику никто не пишет

Генерал любил подолгу сидеть у окна и смотреть вдаль, изредка отвлекаясь на то, чтобы хлебнуть из своей фляжки. На столе лежала книга, но, кажется, он к ней даже не притрагивался. Он разрешал Эльвире менять прессу на свежую, но думать продолжал о своем.

– Таких, как Антоша, очень мало. Какой он умный! А какие у него золотые руки! Дослужился до сержанта, командовал, но время было такое – не смог остаться в армии. Начал зарабатывать своим трудом. И стал знаменит и уважаем в Москве. Какие женщины у него были! Королевы! Звезды! И ни одной он не дал себя заполучить.

Кажется, последним генерал гордился больше всего. «Все эти женщины» потерпели поражение. Это было целое очко в воображаемой игре, которую он вел у себя в голове.

– Оставьте! Оставьте стул на месте! – переполошилась Эльвира, обращаясь к домработнице. – Генерал не разрешает ничего передвигать. Все должно оставаться таким, как во времена его молодости.

– Как я умру, так и начнете двигать. Дали бы дожить. Антоша никогда не двигает мебель. А если и подвинет для дела, то сразу потом поставит на место. Он все знает. Так я не понял, Эльвира, за кем ты собиралась заехать во вторник? Кого ты собиралась привести в дом?

– Никого, вам показалось, – ответила Эльвира.

– Мне никогда не кажется. Ты не можешь приглашать гостей без разрешения.

– Но дядюшка, я не приглашаю. А! Я поняла, о чем вы. Это мы обсудили с Жанной девочек из музея. Вы же сами хотели, чтобы она больше общалась, социализировалась.

– А что, они сами доехать не могут?

– Мне хотелось сделать им приятное. Это очень непростые дамы, одна из них жена замминистра.

Книжный клуб

О принадлежности Раисы Ягужинской к богеме догадался бы даже пастух. Стоило ей в малиновом берете с торчащими из-под него кучеряшками появиться где-то, осветить пространство своей улыбкой, как из женских сердец поднималась волна, которая совершенно расслабляла все мышцы гортани. Людям тут же хотелось рассказать ей «интересненькое». И они находили в лице этой жизнелюбивой женщины благодарного слушателя. Человек она была уважаемый, заслуженный работник культуры, поэтому ей трудно было выслушивать поучения похожего на филина адвоката.

– Культура помогает человеку немножечко тормозить, не реализовывать сразу свои животные импульсы. Понимаете, воспитывает этот навык торможения. Хочет человек, скажем, поесть чеснок на вернисаже, но терпит. Со сплетнями то же самое.

Вот этот близорукий адвокат с ягодной фамилией все время говорит о своей жене. Но Антон Иванович Козявкин тоже все время говорил о своей жене. А позже выяснилось, что все это время у него были романы! И как люди узнали бы об этом, если бы не передавали друг другу истинную информацию?

– Но я не сплетничаю, вам, Платон Степанович, померещилось. Ваше предположение, что вместо обсуждения книг мы годами моем кости ближним, ошибочно.

Если бы Смородина знал, что уже давно, на заре своего директорства, она приняла боевое крещение в кабинете одного высокопоставленного лица. И помогла ей в этом именно не культура, а конкретное знание греческой мифологии.

Однажды в салоне красоты Раиса Федоровна разговорилась с дамой и пригласила ее на вернисаж. Та пришла с подружками. Одна из них взапой рассказывала про своих любовников. Она описывала их то группами, то каждого в отдельности, уместно обобщая, то есть проявляя недюжинные навыки анализа. Какой искусствовед в ней пропадал! Через неделю Раиса Федоровна была на совещании у высокого начальства. Решив все вопросы, начальство прицепилось к одной из запланированных выставок, потому что ему надо было к чему-то прицепиться.

– О, фаворитки – это моя тема. Здесь я могу быть экспертом лучше всех ваших историков.

И распорядитель бюджета начал рассказывать, как женщины капитулируют перед его красноречием. Со скуки Ягужинская начала разглядывать его очки, красную лысину, ежик седых волос вокруг. И тут ее взгляд упал на фотографию на столе – это была та самая исследовательница с вернисажа. Описывая эстетическую категорию «стойкости», она определила своего мужа как ее ходячий антоним. Называла его лохом, досадовала на «русскую простоватость». Заметив изумление директрисы, высокий начальник похвастался, что это его жена Жизель. Она поэт, живет высокими смыслами, а без него пропала бы, потому что она малышка-девочка, которой не нужны деньги. Только с ним она раскрыла для себя волшебный мир чувственных удовольствий! От выпученных глаз Раисы Федоровны чиновник только распалялся.

Насытившись сложным коктейлем из чувств подчиненной (там были и изумление, и, конечно, восхищение высшей пробы), слуга народа одобрил концепцию выставки и выделил дополнительное финансирование. Выйдя из кабинета, Раиса Федоровна остановилась у фикуса в приемной, погладила его листья и, убедившись, что никто не услышит, наклонилась к самой земле и тихо, членораздельно произнесла:

– У царя Мидаса ослиные уши.

А если бы она была малышкой-девочкой, которой воображал ее Смородина, то не пробыла бы директором музея и полугода.

В кабинете Ягужинской к заставленному книгами и документами директорскому столу был приставлен круглый лакированный столик с инкрустацией. Четыре человека (директриса восседала отдельно, на своем рабочем месте) помещались за ним легко, но вместе со Смородиной им пришлось потесниться, чем двое из них явно были недовольны.

– Обычно гости сидят на диванчике, – опутив глаза, заметила жена замминистра Жизель, стройная тридцативосьмилетняя блондинка с длинным каре. Со спины ее часто принимали за балерину.

– Платон Степанович VIP-гость. На каждой нашей выставке он главный экспонат. Он умеет доставать из заключения людей, от которых отказываются другие адвокаты.

Присутствующие посмотрели на Смородину с уважением, а вдова бандита Диана Ольховская достала из сумки и протянула ему свою визитку. Это была сорокалетняя женщина, выглядевшая старше своих лет. Она была одета роскошно, при этом ухватки делали ее похожей на бандершу, что она изо всех сил пыталась скрыть. На визитке было указано риелторское агентство «Ольховская и партнеры», однако Смородина вспомнил, что оно закрыто больше года назад. Жесткая, деловая, моментально считающая в голове. Зачем ей было тратить время в этой богадельне?

– Я могу начать. У меня доклад, – робко сказал бизнесмен Алексей. Это был ровесник Березина. Невысокий, русоволосый, тихий и скромный.

– Опять он со своим докладом! У нас клуб! – оборвала его бандерша.

У Платона Степановича возникло ощущение, что она не может спокойно сидеть на месте.

– Киса снова боссит. Киса, пис! Ты распугаешь нам всех адвокатов, у нас и так мужчина только один, – протянула одетая в подобие восточной шелковой пижамы косметолог Анна.

Смородина догадался, что эта та самая «Нюра? Ньюша?», которая подружилась с Эльвирой. Она была чудесна и лучезарна. Платон Степанович отметил, что Алексей смутился. Перед миротворицей, стильной и расслабленной женщиной сорока восьми лет, лежало издание «Третьей девушки» 1991 года. На обложке у главной героини почему-то была голая грудь.

– Вот я и не хочу, чтобы мы напугали уважаемого гостя нудятиной. Тогда ты начинай, Анечка.

– Мы что, будем обсуждать книгу? – «проснулась» Жизель. Все четверо тут же сделали большие глаза, но она, хитро сверкнув очами, воспользовалась моментом. – Я приготовила стихи.

– Про любовь, которой не уберечь? У нас здесь конкретное произведение обсуждается, а не твой творческий вечер.

– Ты сама-то хоть читала этот роман? – обиделась на Диану Жизель.

– А то. Еще... – Диана осеклась и фразу «два года назад» проглотила, – деловых людей леди Агата в глаза не видела, вот что я вам скажу.

– Ну, киса, ну условность жанра же.

– В лондонском Сити таких дураков не было, чтобы все это кушать. Платон, что скажете? Можно заgrimироваться так, что люди примут тебя за другого человека?

Платон Степанович думал о том, что вряд ли Алексею за два года дали сказать хотя бы тридцать слов подряд. Тот подливал Ане чай, лицо у него при этом разгладилось и посветлело.

– Занимательно, – пробормотал Смородина.

– Раиса!

Первые минуты Ягужинская сидела тихо и отчасти настороженно. Она четко предупредила всех, что настоящее заседание будет позже. Жизели она повторила это два раза, так как та недавно вернулась из отпуска, а обычной ее присказкой после этого было «там был такой гид, я его чуть прям в номере не...». И Раиса Федоровна опасалась, как бы та не ляпнула про свой отпуск. Однако все шло гладко. Только во всей этой кутерьме она забыла прочитать роман «Третья девушка».

– Я обожаю Агату Кристи и со всеми отчасти согласна. Как бы я хотела сделать посвященную ей выставку! Давайте пофантазируем, работы какого художника могли бы ее украсить?

Природа мошенничества

Анна говорила, растягивая слова, и без конца улыбалась. Первое время Смородина думал, что она под веществами либо ее ударили по голове пыльным мешком, а ей понравилось.

– Человек никак не может быть виноват в том, что он попался социализированным мошенникам. Это же особый биологический вид. Они выглядят, как люди, плавают и крикают, как люди. Узнаешь их только по делам. А дела они делают только тогда, когда человек им уже доверяет.

– Значит не надо доверять!

– Жизель, ты сурова. Я хотела бы посмотреть, как у тебя это получится. – Аня посмотрела куда-то вверх и расплылась в улыбке Чеширского кота. – Это тебе нужно будет изучить как минимум медицину и слесарное дело во всех подробностях. Потом ты примешься за юриспруденцию и бухгалтерию. Ну, чтобы все сама. Чтобы не надо было никому доверять.

– А потом?

– Пора в могилку! Лешик,ними меня, как я шучу!

Осчастливленный этим предложением Алексей тут же вскинул телефон и сделал несколько кадров.

– А чем социализированные мошенники отличаются от просто мошенников?

– Ну, представь есть ложный гриб. Ты научилась отличать его от истинного. Все, ты его обходишь стороной. А если не научилась, то не знаешь, что этот гриб, который то дождевик, то опенок, то подосиновик, каждый раз может расти в правильном месте. То есть если он прикидывается чернушкой, то ждет тебя в ельнике. А какой он на самом деле, узнаешь, только когда у тебя начинаются рези в животе. Вот я, когда начала жить в своем доме без мужа, вызывала трех разных сантехников. И как-то один мне особенно пришелся по душе. Толковый, приятный в общении. Установит что-то, потом позвонит, спросит, все ли работает. Как-то я была простужена, так он сходил в магазин купил мне фрукты. Денег не взял. Мне было очень приятно. Какой, думаю, хороший человек, хорошо ко мне относится. Ты же помнишь, какая я еще три года назад была: лысая, худая, слабая.

– Уже тогда надо было напрячься. С чего вдруг он такой хороший?

– Он видел, что я слабая. Рассказывал, что он вообще нескольким старушкам в нашем районе бесплатно помогает. Нет, я не напряглась. Помнишь, когда у меня первая онкология была? Муж отстранился, у меня денег не хватало, в квоты я не попадала. Недостающие деньги на операцию друзья собрали. А там, извини, миллион евро. Люди разные. Так вот, общались мы с сантехником пять лет, ну по мере необходимости. Краны, трубы – он все чинил. Я уже только ему звонила, чтобы ни случилось. Полностью в этом вопросе ему доверяла. И вот у меня на кухне пол вздыбился. Он приходит и говорит, что все очень сложно, строители некачественно сделали стяжку, мы с дочкой должны на месяц уехать и дать ему сто семьдесят пять тысяч. Я прошу его только косметически вздутие убрать. А он говорит, нет, тут ничего просто сделать нельзя, только в корне решать проблему. Руками машет, голова набок – мол, сочувствую, но ситуация серьезная. А я же не понимаю ничего, дом еще первый муж строил. Расстроилась. Говорю, положу проблему в голову, буду подгадывать, когда мы сможем на месяц уехать, как выделить деньги. И тут вдруг приехал мой папа. Что это, говорит, у тебя с полом? Поднялся? Ну, так я к тебе специально на целый день приеду и сделаю. Я даже пыталась с ним спорить, мол, специалист сказал, что ничего просто почистить нельзя. А потом встретила на улице своего сантехника и говорю ему «папа сказал, можно просто почистить». И прямо на лице у него читаю, что мой папа прав. Понимаешь, этот сантехник еще в детстве понял, что лаской можно больше выгадать. У него структура такая, что, если лежит человек на улице, надо же сначала кошелек у него вытащить, только потом, может быть, скорую вызвать. Зарядил бы

он при первой встрече с порога про бешеные тыщи, я бы даже слушать не стала. Но подобные люди никогда не атакуют сразу.

– И к чему вся эта история? Что ты стоишь миллион евро?

– К тому, что нельзя винить себя, если с тобой это случилось. Героиня не виновата.

– В том, что дура?

– Жизелька, ну тебя никогда не обманывали? Честное слово? Изнутри-то все выглядит иначе. Я вот верю, что так можно. Знаешь, сколько у онкобольных таких случаев? И квартиры вымогают, и дорогие лекарства обещают по квоте, и исцеление. А человек в таком ужасе, и у него так мало сил сопротивляться, что он становится легкой добычей. И он, и его родственники. У одной женщины сын заболел. И ей знакомая, богатая женщина, которая узнала об этом, сказала: «Не беспокойся ты, купим мы твоему сыну лекарство. Вот у меня есть проект, практически благотворительный, специально для тебя. Ты его сделай пока». А у них семь лет общения было, безо всякого обмана. Женщина ударилась оземь, за пять месяцев сделала работу, которую можно сделать за год. И если ты думаешь, что богатой женщине незачем обманывать, то я тебе скажу, что именно эта женщина, скорее всего, потому и богата, потому что обманывает. Обещала-то она только на словах. Официально она благотворитель, у нее даже фонд есть «Меценаты Руси» или что-то в этом роде. Золотая молодежь, работала в московской мэрии, пока блат не кончился. Богатый муж. Как говорится, зачем ей грабить человека в беде. Понимаешь? На том ужине в «Кофемании» она мою знакомую и обнимала, и описывала, как хорошо им будет, и что они вместе, а вокруг враждебный мир безразличных людей. Потом написала в мессенджер, что решила еще и заплатить гонорар в сто тысяч рублей, ни словом не упомянув, что это отменяет договоренность о покупке лекарства. Как ты понимаешь, для человека с именем сто тысяч за пять месяцев высококвалифицированного труда по шесть дней в неделю – это ни о чем. Оплата ЖКХ и покупка гречки. Знакомая и бесплатно бы работала, ей же пообещали решение проблемы. А та получила работу и сказала, что не понимает, с чего женщина взяла, что она собирается покупать лекарства ее сыну – «есть же квоты для онкобольных». «Я вам все оплатила, вот сто тыщ, у меня и платежка есть». И еще попыталась присвоить авторство.

– Как можно было работать без договора?

– Так эта псевдомеценатка – адвокат. Известный, на ток-шоу защищает справедливость со слезами на глазах. Моя знакомая была ее доверительницей семь лет, и та до этого ни разу ее не обманывала. И она действительно людей защищает, если на камеру снимают, в том-то и дело. Говорю же, социализированные мошенники выглядят как люди. Если потерпевшая не была бы раздавлена тем, что на нее свалилось, конечно, разговор был бы другим и договор бы был. На нее сверху давила беда, а сбоку сбило с ног волной псевдолюбви. Понимаешь, весь мир рушится, а эта «святая» женщина протягивает руку помощи. «Меценатка» же воспользовалась ею и поскакала дальше, сокрушаясь о том, какие люди неблагодарные. Здоровых людей они обходят по дуге, им нужны травматикки. Беду легче эксплуатировать.

Платон Степанович вмешался.

– Анна права. Я вам расскажу другую историю. Мать-одиночка, свое небольшое дело. Хотела развиваться, пошла на курсы, связанные с бухгалтерским учетом. Познакомилась там с женщиной, крутым финансовым директором. Они подружились. Та приезжала к ней домой, ласкала ребенка, радовалась удачам, приглашала в театр. Советы давала по ее практике бесплатно, по дружбе. А через пару лет сказала, что у нее образовалась синекура, она думала устроить на нее родственника, но знает, что подруге сейчас нужнее. Всех дел – числиться директором в одной фирме. «Ты как раз хотела изучить мир финансов. И я всегда буду рядом, если что, помогу». Вскоре, потеряв сбережения, продав жилье и переехав с ребенком в съемную квартиру, женщина была счастлива только лишь тем, что ей удалось избежать тюрьмы. Я когда слушал эту историю, у меня последние волосы на голове дыбом вставали. Умная, образованная, с жизненным опытом. Как можно было согласиться с таким предложением?

– Она ей доверяла как себе.

– Именно. Ее не в ловушку заманили, ей близкий человек помог. Здесь погладили, там выслушали... Это снаружи всем все с самого начала ясно, изнутри все чувствуется иначе. Последний атеист может верить в то, что человек, который говорит правильные вещи, не обманет. Это хорошо вы сказали – сбило с ног волной псевдолюбви...

Жизель явно скучала.

– Если мошенницы заработали, значит, они умные. А ваши героини просто неудачницы.

– Иногда, кстати, скорее наглые, чем умные. Но от этого не легче.

Шашлык

Утром позвонил Афанасий Аркадьевич и пригласил Смородину приехать.

– Есть работа для вас. Я принял решение. Но это не телефонный разговор. Мы вас шашлыком угостим.

Платон Степанович предположил, что дядя Жанны мог проверить его историю. Но бояться ему было нечего. Среди его доверителей действительно были военные, и все они относились к нему с уважением. Свернув от железнодорожной станции к поселку, он, можно сказать, пришел на запах. Аппетитный аромат смешивался с летним запахом цветов. Он подумал, что древние воскурения во славу богов, жертвоприношения со сжиганием тука животных, могли благоухать также. Генерал отчитывал невестку. Когда Смородина входил в калитку, до него донеслось:

– Да пусть она выходит замуж хоть за зулуса!

Мать Жанны, Эльвира, оказалась приятной русоволосой женщиной. По сравнению со своим портретом в юности она набрала килограммов десять. Шея предательски выдавала возраст. Она вежливо улыбнулась Смородине и ушла в дом. Затем от генерала досталось Оскару.

– Оскар, где сегодняшняя пресса? Где местная газета? Она не нужна мне после двенадцати, я должен все узнавать вовремя. Антоша говорит, что там что-то из ряда вон выходящее, а я не знаю.

– Но вы же ее никогда не читали.

– Найди газету, – медленно сказал генерал, чеканя каждое слово.

Оскар исчез. Афанасий Аркадьевич обратился к адвокату:

– Жанна грозит выйти замуж. За нереализованное ничто, вы помните. Это меня совершенно не расстраивает. Если все влюблялись бы в умных, человечество вымерло бы. Но надо четко ему показать, что, если он протянет свои подлые ручонки к нашему имуществу, – дядя схватил со стола пучок кинзы, – хрен ему! Хрен на рыло! Я по понятным причинам... брезгую. А вы, так сказать, со стороны семьи. Как вы это умеете, вкрадчиво, вежливо. Вот как в дом проникли, так и к нему войдите. Хрен тебе на рыло!

И он ударил невидимого Ромео кинзой. На самом деле в последней фразе дядя употребил другое слово, более грубое, но чуткий ум Смородины моментально заменил его.

– Не то что я работал бы... – Смородина проглотил слово «нянькой», – Цербером.

– Даже за деньги? – Дядя в изумлении поднял брови. – Женихи ее преследуют, как голодные монголы. Добыча легкая, питательная. Поэтому мне нужно, чтобы вы составили брачный договор.

– Мне нужен список объектов, которыми она владеет.

– Нет! Просто составьте. Все принадлежит ей.

– Афанасий Аркадьевич, юридические документы...

Дядя отмахнулся от него рукой. Мол, понимаю.

– Вы пока составьте в общих чертах. Она мне почитает, а потом мы впишем, что нужно. У нее там... – он поболтал рукой в воздухе, подбирая слова, – новые нейронные связи образуются. Уже полезно. Когда приступите?

В этот день инвалид-колясочник был еще больше похож на Марлона Брандо в образе крестного отца мафии. Он вообще не смотрел на адвоката, а разговаривал как будто со всем пространством сразу.

– С удовольствием приступлю с текущего момента.

– Раньше трудно было бедному охотиться на богатую. Сейчас, конечно, многое изменилось. Но Жанна не из тех, кто использует. Я был бы спокойнее, если бы она была из таких.

И Платон Степанович узнал, что за Жанной после ее возвращения в Россию ухаживал будущий режиссер, который считал, что нельзя ставить Чехова в дешевых декорациях. Потом живописец-реалист, который искал женщину, способную на жертвенное служение его таланту. И композитор, временно живущий за счет установки дверей. Он на втором свидании сказал Жанне, что все умные женщины понимают, что мужчина полигамен, и еще ему нужно «немножко веры», а также деньги на постановку рок-оперы. Дядя собирал сведения о чужой личной жизни ничуть не хуже Раисы Федоровны. О страсти он рассуждал отстраненно. Так гроссмейстер судит о чужой шахматной партии.

– И если раньше она сбегала от претендентов на ее руку, то в этот раз у нее фанаберия. Люблю, говорит, его, не могу. Болеть начала, – дядя махнул рукой, – так что пусть выходит замуж! Разведется – поумнеет.

– А что Эльвира?

– Дура. Стелется перед какими-то идиотками. Я на днях слышал, как она говорила по телефону: «Ой, а где вы? Ой, а я за вами заеду. Ой, ну что вы, я за вами все-таки заеду. Позвольте, я сейчас приеду за вами». – Когда генерал изображал манеру Эльвиры говорить, Смолодина с трудом сдержался, чтобы не рассмеяться. – Так боялась, что ей откажут, что даже мне противно стало. Я ее терплю только ради племянницы. Но бабенки из книжного клуба в музей все-таки приехали. Пусть! Я только за то, чтобы Жанна общалась, а не лежала лицом в подушку.

Анна и Жизель согласились посетить генеральскую дачу, чтобы выгулять соломенные шляпки. Существовала только одна тема, в которой они понимали друг друга с полуслова, – фотосъемки для соцсетей. У сестер Грай в древнегреческой мифологии был один глаз на троих. Анна с Жизелью, соединяясь, были продюсером, стилистом, визажистом и половиной оператора. Шла своя волна, возникало свое кино. В длинных струящихся платьях они смотрелись, как чеховские героини. Когда в доме они сняли шляпы и расположились за большим столом на кухне, то стали похожи на сказочных Беляночку и Розочку. Аня была черноволосая с белой кожей, Жизель – загорелая блондинка. Эльвира не могла налюбоваться на своих гостей. Красивые, благополучные, понимающие.

– Эля, а зачем приходила эта странная женщина?

– Спрашивала, все ли наследники Абрамова получили свои доли.

– В смысле? Есть кто-то, кроме Жанны и Аркадича?

– Понятия не имею.

– Ну, он в принципе мог?..

– Раз в полгода. Так. На честном слове.

– Он, наверное, такой злой был поэтому.

– Не знаю я, почему он был злой, но другие дети у него вполне могли быть. И если этот ребенок признан, он может претендовать на треть наследства. А если нет, сегодня делают тесты.

– Да уж. Выбрали мы времечко родиться. Выпало на нашу долю увидеть перемены.

На кухню спустилась Жанна.

– Жаник, на тебе лица нет. Как спалось?

Жанна села за стол, почесала затылок.

– Хочу еще спать.

– Опять этот липкий кошмар? Девочки, Жанне снился фиолетовый платок с люрексом.

– Я же просила не рассказывать!

– У меня есть сомнолог-гороскопист. Я скину номер. Он это все разложит.

– Ничего мне раскладывать не надо.

Жанна достала из кармана пузырек с таблетками, достала одну и сразу проглотила.

– Жаник, и что, тебя душили этим платком?

Жанна, слегка наклонив голову, посмотрела на Анну, задавшую этот вопрос. Во-первых, она еще как следует не проснулась. А во-вторых, еще не повзрослела достаточно, чтобы понять, почему взрослые говорят столько белиберды.

– Нет. Вчера мне снилось, что я встала и его выкинула. Причем очень реалистично. Я даже думала, что не сплю!

– Такое в детстве бывает, когда кажется, что идешь в туалет. А во взрослом возрасте, если мяса слишком много съешь на ночь, – сказала Жизель, и все сочувственно покачали головами.

– А сегодня во сне я как будто держала в руках фотографию.

– А на ней?

– Не помню. Голова ватная.

Эльвира

Когда родилась Жанна, Эльвире показалось, что в мире наконец-то появился человек, которому она нужна. Абрамов считал, что с появлением ребенка в его жизни ничего не должно измениться. Поэтому вскоре Эльвира перевела Жанну в самую дальнюю от него комнату, где он не слышал ее плач. Когда выдавалось свободное время, она ложилась рядом с детской кроваткой и молча лежала. Кто бы мог подумать – у нее есть настоящий ребенок. Больше она не одна.

Эльвире больно было вспоминать родительскую семью. Если бы она не любила читать, она бы не выжила. Мать искалечила ее психику, восприятие мира и мужчин. Благополучная девочка отшатнулась бы от вечно фиолетового торговца запрещенными веществами. Но, для того чтобы выжить с сумасшедшей матерью, приходилось терпеть невыносимое, поэтому как привычную и безопасную среду мозг Эльвиры воспринимал только стресс. Шакалы чувствовали таких как она за версту, у них буквально вскипала кровь, когда она рассказывала им свою историю, рассчитывая на сочувствие. Они не рефлексировали, не оттормаживали этот импульс. Просто сжирали ее, предварительно погладив. Хорошая девочка была для них скатертью-самобранкой.

«Теперь все будет иначе, – мечтала она, глядя, как сопит ее дочь. – Надо только взять себя в руки».

Афанасию Аркадьевичу было более чем легко «вытащить» ее из тюрьмы. По большому счету через год пребывания в СИЗО Эльвиру «списали», отправив умирать. Менингит, практически не работающие почки. Однако он никогда не признавался ей в этом, предпочитая, чтобы она считала себя обязанной ему жизнью. Его брат, ее гражданский муж, потратил на ее лечение деньги. Она даже какое-то время считала его своим спасителем. Да и странно было бы не считать. С самого детства ничего, кроме предательства, от мужчин она не видела. А тут ее вытащили из тюрьмы, вылечили и кормят. Она искренне не понимала, что такие, как шашлычник Абрамов, устроены иначе. Если они дали на копейку, то рассчитывают как минимум содрать с тебя кожу. Выглядят как люди, но питаются чужой болью.

Абрамов мог толкнуть ее, задеть своим надутым, как водяной матрац, телом. Но нет, такого, чтобы он зажимал ее в углу и бил, не было. «Помни, где я тебе взял», «Помни, какой ты была» – вместо шлепков по лицу он избивал ее душу. Этого никто не видел, на людях он был степенным и молчаливым. Люди смотрели на тонкую, живописную провинциалку, которая «отхватила» себе «богатого мужа», и завидовали. Любые попытки Эльвиры с кем-нибудь подружиться муж пресекал так, как будто она была его собакой. Говорил «нет», а на вопрос «почему?» не отвечал. Были даже моменты, когда Эльвира с ностальгией вспоминала СИЗО. Сокамерницам она была искренне безразлична. В последние недели они орали на нее, когда уже не чувствуя, что делает, она ходила под себя. «Вставай! Просыпайся! Ты должна жить!» Они только хотели, чтобы в камере не воняло, больше их ничего не интересовало. Шашлычник же ни на минуту не оставлял ее в покое. «Всегда думай о том, что я сказал бы по этому поводу». «Ты будешь надевать это платье и вспоминать, что мы делали». И конечно, его любимое обещание стряхнуть пыль с ее уголовного дела, после одного намека на которое Эльвира дрожала, как холодец.

Она жалела его, считала несчастным, нелюбимым, закомплексованным. Но главное – она верила, что, если продолжит подстраиваться и хорошо себя вести, он изменится. Это верование всех деликатных и добрых женщин было самой ядовитой частью наследия ее токсичной матери. Эля так и не поняла, что такое садистическое удовольствие. Муж держал ее вовсе не для того, чтобы она мыла полы в генеральском доме, пока он лежит на диване. Хотя, конечно, и для этого тоже. Он нанял приходящую домработницу только после того, как кормящая Эльвира начала падать в обморок от перегрузок. Он понял, что, если она умрет, забота о дочке достанется ему.

Эльвира была для него фабрикой по производству удовольствия от причиняемой боли. Ему нравилось ее шпынять. А она не понимала, чем именно он наслаждается, искренне считала, что он ее любит. И корила себя за то, что недостаточно благодарна.

Он выгнал ее из дома так же, как уволил домработницу, – за один день. Няня, которую он нанял для Жанны, смотрела на него с той надеждой, с которой голодный человек смотрит на богатого. И она казалась еще более покладистой, еще менее способной постоять за себя, чем Эльвира, поэтому ее он вскоре забыл.

Она задержалась в городе, надеясь, что он ее простит, но напрасно. Потом уехала в один областной центр. Сначала убиралась, потом откликнулась на объявление «Оператор на телефоне». Работодательница Юлия – блеклая женщина с ярко накрашенными на глазах черными стрелками – долго расспрашивала ее о жизни, сопереживала. Они оказались родственными душами, у той тоже была непростая судьба. Они подружились, и она взяла Эльвиру на работу. Мама Жанны стала администратором – принимала заказы и контролировала их исполнение. Торговали девочками. Первый раз в жизни Эльвира сытно ела и сладко пила без упреков по поводу того, сколько это стоит. Правда, длилось это не долго. Эльвира встретила спившегося бармена, который буквально на втором свидании сказал, что без нее он умрет. Год в СИЗО и «брошенного» ребенка он великодушно готов был простить. Эля организовала запись в ЗАГСе, накрыла стол и уплатила пошлину. Снова в ее мире появился островок стабильности. Вместе с печатью в паспорте ей как будто выдали свидетельство о том, что она полноценна. Эльвира только не поняла, почему все организовала и оплатила она, а «взял» ее замуж все равно он. Теперь у нее были семья и работа, на которой она была нужна. Она как-то сама взвалила на себя часть забот руководства. Начальница договаривалась с «крышей», а в остальное время, как правило, была занята воспитанием своего ребенка и на работе практически не появлялась. Пару девочек Эльвира выдала замуж за клиентов, одну научила подмываться, как-то всадила в кисть шариковую ручку распоясавшемуся бандиту. После этой истории, весть о которой разлетелась по целевой аудитории, Эльвиру начали считать кем-то вроде берсерка¹

¹ Берсерк – в древнегерманском и древнескандинавском обществе воин-викинг, посвятивший себя богу Одину. В сражении отличались неистовостью, большой силой, быстрой реакцией и нечувствительностью к боли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.